

šəjánt – ‘звенеть’, ‘звонить’, ‘брякать’, ‘гремять’ [МК, 599]. Ср. Реутинка.

Шегульта́н, левый приток р. Сосьва (Североуральск). Мансийское название, по-видимому, утратившее географический термин *я* (*jä*) – ‘река’ и сильно изменившее фонетический облик в результате русского освоения, ср. в источниках XVIII–XIX вв.: *Шангултан*, *Шангульта́н*, *Шангрырта́в*, *Шонгылта́н*, *Шунгулта́н*, *Шалтулта́н*, *Шагалта́н*, *Шигильта́н*, *Шевельта́н*, *Шевелта́н* и др. Сопоставление форм и их частотность свидетельствуют, что первоначально название, скорее всего, звучало в русском языке как *Шангултан*. Это, в свою очередь, позволяет видеть в гидрониме фрагмент мансийского сложения, в состав которого входила причастная форма настоящего времени *šaŋultan*, образованная от западномансийского глагола *šaŋulii* – ‘играть на струнном музыкальном инструменте’, который западные манси называли *šaŋultép*, а северные – *sāŋkwaltap* [МК, 528]. По ‘осколку’ сложного названия трудно установить его первоначальное значение, но мансийские глагольные топонимы типа названий гор *Пил вātнэ сяквур* – ‘Гора, где собирают ягоды’ или *Вōт тārта́н сяхыл* – ‘Гора, пускающая ветер’ позволяют предположить, что возможный смысл названия – ‘Река, где играют на сангквылтапе’ или ‘Река, играющая на сангквылтапе’, и тогда это очень красивое метафорическое обозначение горной реки.

Современные манси называют реку *Сонгылта́н* и не могут объяснить название. Дело в том, что они говорят на северном мансийском наречии, а гидроним *Шангултан* (*Шегульта́н*) восходит к вымершим западномансийским говорам.

М.Л. Гусельникова
Уральский университет

К изучению коми-русского взаимодействия на территории Русского Севера по данным топонимии

Топонимия Русского Севера, в настоящее время русскоязычная по употреблению, отражает бывшее взаимодействие русских с местным финно-угорским населением. Одной из важнейших проблем при изучении взаимодействия языков по данным топонимии является определение конкретного языка-источника на разных территориях Русского Севера и стратификация нерусских по происхождению географических названий.

На граничащих с Коми территориях Русского Севера – на Нижней Вычегде, в Лешуконском районе Архангельской области – фиксируются два типа нерусских по происхождению топонимов. Это названия коми-зырянского происхождения и субстратные топонимы, аналогичные субстрату на остальных территориях Русского Севера, не связанных с Ко-

ми. Одним из основных, характерных типов севернорусских топонимов, отражающих взаимодействие языков, являются полукальки – названия с субстратной основой и русским географическим термином-формантом (*Шотогора, Совполье, Кивручей* и т.п.). Это продуктивный и распространенный на значительной территории тип субстратных топонимов (около 4 тыс. названий по всей территории Архангельской и в западных районах Вологодской областей), поэтому именно полукальки могли бы связать топонимию регионов, граничащих с Коми, с собственно субстратом, разграничивая факты раннего взаимодействия языков и позднейшего коми-русского взаимодействия. Выяснение соотношения полукалек с названиями, представляющими следы коми-русского взаимодействия, имеет несомненный научный интерес.

Существенная особенность топонимии на территориях современного коми-русского двуязычия – отсутствие основных типов полукалек на *-озеро* и *-ручей*, составляющих почти половину севернорусских полукалек. Это тем более показательно, что в целом в зонах коми-русского двуязычия отмечаются все условия для образования полукалек.

Во-первых, это массовое заимствование русской лексики, в том числе – географической терминологии. По данным А.П. Афанасьева¹, в микротопонимии Удорского района (примыкающего к Лешуконскому району Архангельской области), как и в апеллятивной лексике коми населения, встречаются заимствования на основе местных севернорусских географических терминов, многие из которых по происхождению являются финно-угорскими: *едома, кулига, курья, луг, луда, ляга, мурга, наволок, новина, осек, плита, полой, присада, слуда, сузем, стан, тоня, хребет*. В лексику языка коми указанные термины перешли путем прямого заимствования при незначительной звуковой адаптации без существенных семантических сдвигов: *наволок* ‘поем, луг, заносимый во время разлива наносом’ (Даль) > коми удар. *навёлӧк* ‘заливной луг’; *ляга* ‘непросыхающая лужа, лыва’ (Даль) > удар. *ляга* ‘сырые низкие участки на поле. Лог, ложбина’; *присада* ‘нанос к одному берегу земли, ила, песка’ (Даль) > удар. *присад* ‘широкий пойменный луг на наносах из песка и ила’ и т.д. Иные русские термины, по данным А.П. Афанасьева, не входят в состав апеллятивной лексики современного удорского говора коми, но встречаются в местных названиях: *Акымверетя* «веретья Акима», *Кӧсӧгорму* «поле на косогоре», *Курганчульк* «вершина кургана», *Матыспала* «ближний пал», *Прӧсьтсӧтчӧм* «пожого близ прости», *Реляты* «озеро с рёлкой» и др.

¹ Афанасьев А.П. Русские топонимы и антропонимы в северо-западной части Коми АССР // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 259–266.

Во-вторых, заимствованные русские термины регулярно встречаются в зырянских названиях, например в печорском диалекте¹: *Вис-луг, Гон-луг, Лыва-ди, Наталь-кулига-грива, Писти-Дарья-луг, Сергей-кõддж-прилук, Шор-ляга-ю, Ыджыд-шор-бок, Юмпель-гõра*. В присыктывкарском диалекте²: *Баз-луг, Вад-бок, Кузь-курья, Магази-амбар, Мырты-луг, Поп-ласта, Сава-лагуи, Сидõр-круг, Шõрда-полой*. Заимствованные лексемы обнаруживаются и в основах топонимов: *Кринича-курья, Брага-шор, Кõрмилõ-туй, Крутõ-шор* и др. Э.Е. Хозяинова³ приводит заимствованные термины, употребляющиеся в коми микротопонимии разных народов, среди них *вõлõсь* 'село', *гора, курья* 'заводь', *ласта* 'низина', *наволок* 'заливной луг', *тракт, трõна*. В.А. Ляшев⁴, рассматривая топонимию басс. р. Вымь, приводит следующие названия с включенными русскими заимствованиями: *Гõра шор, Гырнича гõп, Дурнича луг, Золота вад, Пõскõтина, Чõрнэй озеро*.

Как видно из примеров, многочисленные топонимы с русским по происхождению географическим термином в качестве второго компонента могут быть собственно зырянскими по употреблению – это важный факт для установления на Русском Севере территорий недавнего коми-русского двуязычия («нового» зырянского субстрата). Речь идет прежде всего о граничащей с Коми территории низовьев Вычегды, в топонимии которой на убедительно выделяемом коми-зырянском фоне фиксируются названия на *-луг* (*Базлуг, Матлуг, Морготлуг* и др.) – единственный обнаруженный здесь тип топонимов с субстратной основой и русским детерминативом. Поскольку в этой зоне фиксируется многочисленный новейший зырянский субстрат, а слово *луг* заимствуется во многих зырянских диалектах (печорском, присыктывкарском, удорском), названия на *-луг* в этом регионе можно отнести к собственно зырянским топонимам, сохранившимся у обрусевшего позже населения. Таким образом, топонимы на *-луг* не следует причислять к русским полукалькам (поскольку они возникли у коми населения).

В этой связи совершенно иную картину представляют распространенные на этой же территории названия на *-виска*. Для термина А.К. Матвеевым⁵ предполагается зырянская этимология: < *вис* (*виск*)

¹ Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

² Жилина Т.И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект коми языка. М., 1971.

³ Хозяинова Э.Е. Словообразовательная структура коми микротопонимов // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 148–149.

⁴ Ляшев В.А. Русская географическая лексика в топонимии Выми // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 40.

⁵ Матвеев А.К. Пермские элементы в субстратной топонимии Русского Севера // Сов. финно-угроведение. IV. Таллин, 1968. С. 27–37.

‘протока, соединяющая озеро с рекой’. Как показано Л.С. Смолиной¹, на территории Коми термин *виска* употребляется только в русских топонимах, в зырянских же названиях ему соответствует термин *вис*: в зырянской топонимии – *Амбар-вис*, *Кобыла-вис* и т.д., в русской топонимии – *Воронья Виска*, *Мелкая Виска*, *Щучья Виска* и т.д. Термин *виска* употребляется только в русских говорах этой территории и отсутствует в коми-зырянской лексике. Аналогичным образом топонимы на *-виска* на Русском Севере следует связывать только с русской адаптацией, т.е. не следует рассматривать их как первоначально зырянские по происхождению и употреблению или как возникшие через зырянское посредство.

Названия на *-луг* и *-виска* оказываются парадоксально противоположными по образованию и функционированию: топонимы с русским по происхождению термином *луг* являются (или являлись) фактом зырянской топонимии, а топонимы с термином зырянского происхождения *виска* – собственно русскими полукальками.

Таким образом, хотя на севернорусских территориях, граничащих с Коми (особенно в Лешуконском районе, в басс. р. Вашки), фиксируются многочисленные полукальки, нет оснований связывать их с зырянской топонимией. Это существенно для этимологии, поскольку полукальки при таком понимании связываются непосредственно с прибалтийско-финско-саамским субстратом (т.е. не следует этимологизировать нерусские основы полукалек на зырянской почве).

Судя по отсутствию полукалек, коми-русское двуязычие представляло иную картину контактов по сравнению с прибалтийско-финским и саамским субстратом в русской адаптации. Возможно, это объясняется сравнительно более поздним периодом контактов русских с коми (на территории Вычегды, по мнению А.И. Туркина², эти контакты были не раньше XV в.; на Вашке и Мезени, по данным А.П. Афанасьева, в XIV–XV вв.). Возможно, во многих случаях происходило не заселение русскими зырянских территорий, а одновременное освоение русскими и зырянами иноплеменных земель. Для Русского Севера можно предположить едва ли не более ранний приход русских, а вслед за ними – зырян. В таком случае можно предполагать первоначальную адаптацию зырянами русской топонимии (адаптировавшей предварительно прибалтийско-финско-саамский субстрат), а не наоборот. Некоторые (пусть недостаточные) доказательства первоначальной зырянской адаптации русских топонимов в басс. р. Вашки дает уже первичный анализ мест-

¹ Смолина Л.С. «Гибридные» топонимы нижнего Припечорья и критерии их различия // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. С. 60–62.

² Туркин А.И. Топонимия Нижней Вычегды: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

ной топонимии. На этой территории обнаруживается множество пар названий, являющихся русско-зырянскими параллелями (зырянские этимологии предлагаются в сопоставлении с данными ССКЗД¹):

– руч., пок. *Пужий* (< удор. *пуджыд* ‘против’) – рядом с пож. *Протимдворско* (против д. Карашелье);

– курья *Пасокурье* (< удор. *паса* ‘с отметкой, со знаком’ – против руч. *Крестовый*;

– пож. *Сысцелья* (< коми *сис* «гниль, гнилой») – против руч. *Кисляк* (названия верхних, идущих из болот притоков *Кисляк*, *Гнилая* и *Сысь*, *Сысья* встречаются в Лешуконье неоднократно);

– оз. *Сыдозеро* и пож. *Сыдпожня* (< коми *сидыр* ‘межа’) – против луга *Межны*;

– руч. *Тончавожса* (*Тольчавожса*) и рядом руч. *Суметовца* – ср. удор., нв., скр. *толны* ‘образоваться снежному сугробу’: причастная форма *толь-са вож* ‘ручей с образовавшимся снежным сугробом’ – и рус. *сумет* ‘сугроб’ (повсеместно в Архангельской области – Подвысоцкий);

– р. *Пучкоранвожса* и рядом р. *Клешника*. Коми форма соотносится с названиями подобных же притоков соседних рек *Пучкорвожса* и *Пучкорваши*, которые можно связать с удор. *пушкыртычны* ‘сделаться раскидистым (о дереве)’. Поскольку *вож* означает прежде всего ‘ветвь, отросток’, метафора становится понятной: «раскинувшийся, разошедшийся притоками» (суф. *-ан* в форме *Пучкоранвожса* обозначает признак по действию, причастие). Подобное семантическое развитие можно предположить и для русского топонима *Клешника*, ср. *клешня* ‘рука’, а также неоднократно фиксирующиеся лешуконские названия истоков рек *Лапа*, *Лапы*.

Все обнаруженные параллели предполагают двоякое направление перевода – из русского в коми или из коми на русский. Однако следующие две пары переводных названий позволяют определить направление перевода конкретно:

– пож. *Остров* – у бол. *Дыег* (< коми *ди* ‘остров’, *яг* ‘лес’ – факт топонимии). Коми *ди* обозначает ‘остров’ в общеупотребительном смысле, а рус. *остров* имеет диалектное значение, ср. Подвысоцкий: *остров* ‘холм на болоте’ (Мез). Коми название передает лишь ближайшее значение русского слова, вне связи с объектом, поэтому здесь можно предположить калькирование с русского;

– пож. *Устье* (*Усть-Камша*) – у пож. *Пемлас*. Коми *пач* *пемлос* ‘под печи, прилегающий к заслонке’, т.е. собственно *устье* печи в русских говорах.

¹ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. проф. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1961.

Для обозначения устья реки в коми языке используется слово *вам* или послелог *дин*. В данном случае при переводе коми ориентировались только на словесную форму русского топонима и передали не соответствующее топонимическому значение многозначного русского слова. Аналогично предыдущему примеру, механический перевод слова в ближайшем значении свидетельствует о возможности калькирования из русского в коми.

Если допускать возможность калькирования топонимов, то этот процесс должен был бы идти параллельно заимствованию из русского в коми. Примерами русских заимствований в первоначально зырянской топонимии на этой территории могут быть названия: руч. *Петухацэр*, *Петухацера* «Петухов ручей»; руч. *Грубадьель* (< *Грубой Ель* «Крутой ручей» – русское слово в диалектном значении было заимствовано в лексику коми языка).

Поиск следов коми-русского взаимодействия в севернорусской топонимии приводит к следующим выводам. С одной стороны, в топонимии регионов, соседствующих с Коми, обнаруживаются некоторые факты, для интерпретации которых можно предположить первоначальный процесс адаптации зырянами уже существовавшей здесь русской топонимии. С другой стороны, при рассмотрении русских элементов в современной коми топонимии обнаруживается отсутствие аналогов севернорусским полукалькам, что позволяет ограничить круг возможных источников данной топонимической модели западной ориентацией: прибалтийско-финскими и саамскими языками. Таким образом, представление о взаимодействии топонимических пластов на данной территории усложняется: топонимы-полукальки свидетельствуют о русской адаптации прибалтийско-финско-саамского субстрата, предшествовавшей или шедшей параллельно с зырянской адаптацией топонимии данной территории. То, что сейчас все пласты топонимии, в том числе и зырянский, «перекрыты» русским, связано либо с позднейшим оттоком коми населения с этой территории, либо с его обрусением.

О.В. Смирнов
Уральский университет

Мансийская топонимия реки Чусовой в записях Г.Ф. Миллера

Река Чусовая – одна из красивейших горных рек Урала – вызывает повышенный интерес не только у туристов, но и ученых-историков, языковедов. Бассейн ее является местом пересечения разных ландшафтных зон Европы, Сибири, таежного и лесостепного Урала и Приуралья. Как следствие, именно здесь издревле проходили этнические границы, а берега Чусовой были периферийной зоной распространения и областью контакта различных этносов и культур. Это наложило отпечаток на то-